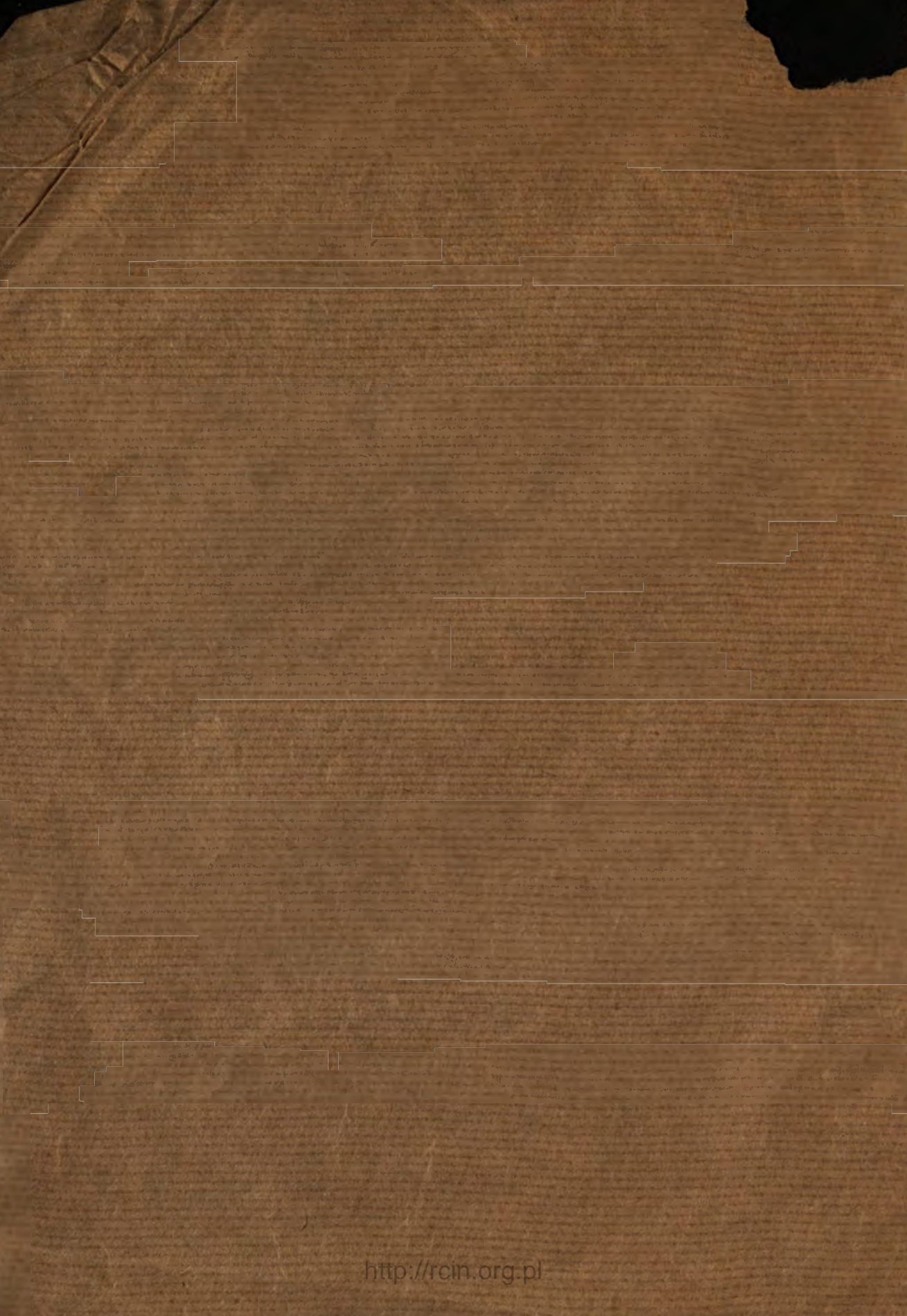

Jaremi cz. Bernardo Bellotto

БЕРНАРДО БЕЛЛОТТО.

С. ЯРЕМИЧЪ.

БЕРНАРДО БЕЛЛОТТО.

(S. Iarémitch: Bernardo Bellotto).

О Бернардо Беллотто, какъ о большинствѣ венеціанскихъ художниковъ XVIII вѣка, сохранилось крайне немного свѣдѣній. Каковъ былъ его житейскій обликъ, каковы его вкусы, привычки, свойства и особенности ума и характера — судить невозможно по отсутствію фактовъ. Венеціанское искусство, вообще, полно загадокъ. Рѣдко какому народу выпадаетъ такое счастье въ смыслѣ обилія не только таланта, но даже и генія въ области искусства, какъ это наблюдается въ Венеціи на протяжении многихъ вѣковъ ея независимаго существованія, и въ то же время рѣдко какой народъ относился съ большей безпечностью и даже индиферентизмомъ къ тѣмъ благамъ судьбы, которыя ему выпали на долю. Впрочемъ, и сами художники способствовали въ значительной мѣрѣ такому отношенію извнѣ. Они смотрѣли на свои обязанности съ точки зрѣнія чисто профессиональной, не заботясь о дальнѣйшемъ. Одна способность всецѣло управляла ими: необъятная жажда работы во всѣхъ родахъ и видахъ, а дальнѣйшая судьба труда и вообще историческія перспективы, повидимому, имѣли въ ихъ глазахъ немного дѣятельности.

Венеція XVIII вѣка представляется въ особо фантастическомъ свѣтѣ. Рѣшительно на всемъ явственно замѣтно вымирание государственной и общественной жизни, а между тѣмъ ни смѣхъ, ни радость не утихаютъ ни на минуту. Болѣзненность агоніи, такъ часто сопровождающая разложеніе государствъ, здѣсь совершенно не даетъ себя чувствовать. И нигдѣ на свѣтѣ увяданіе не облечено такими роскошными праздничными красками, какъ въ Венеціи. Мягкость нравовъ, совершенно исключительные размѣры бытовой свободы и вытекающая отсюда лег-

INSTYTUT
BIOGRAFICZNY PAN
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 7
Tel. 26-68-83

кость существованія даютъ венеціанской жизни XVIII вѣка особую привлекательность. Такой достовѣрный свидѣтель, какъ Charles de Brosses отмѣчаетъ эту особенность венеціанской жизни вполне определенно: «il n'y a pas de lieu au monde où la liberté et la licence règnent plus souverainement qu'ici. Ne vous mêlez pas du Gouvernement et faites d'ailleurs tout ce que vous voudrez». Упадокъ замѣтно чувствуется лишь въ отсутствіи энергіи и въ полномъ преобладаніи сенсуальной жизни во вредъ высшимъ интересамъ ума. Лишь непогимъ была ясной серьезность положенія. Къ числу этихъ немногихъ принадлежатъ пѣвецъ упадка и разложенія, современникъ Беллотто, Джорджо Баффо, истратившій, къ несчастью, свой гений на воспѣваніе грубой чувственности. Онъ инстинктомъ поэта чувствуетъ приближеніе неминуемой бѣды. «Проходятъ, вымирая, богачи», говоритъ поэтъ: «а бѣдность возрастаетъ съ каждымъ днемъ. Высокіе умы становятся все рѣже и рѣже, и среди насъ остаются одни только презрѣнные самцы... Въ умѣ лишь праздность, роскошь, игры и единственные предметы внимательнаго изученія по вечерамъ — колоды картъ и поваренная книга. Перевелись и военные люди, а тѣ, которые остались, никогда и не нюхали пороха. Какимъ же образомъ мы можемъ рассчитывать на существованіе въ будущемъ?»

Главные моменты жизни протекаютъ въ театрахъ, остеріяхъ и кафе, самыя видныя мѣста въ обществѣ принадлежатъ актрисамъ, танцовщицамъ, куртизанкамъ, всевозможныхъ оттѣнковъ шарлатанамъ и прожигателямъ жизни. Подобнымъ настроеніемъ въ сильнѣйшей степени проникнуто и искусство — оно становится по преимуществу театральнымъ, такъ какъ другіе выходы для него закрыты. Въ этомъ заключается единственный путь не только для достиженія славы и матеріальной независимости, но въ то же время и независимое убѣжденіе находило для себя въ искусствѣ тихое пристанище. Въ этой отрасли, тѣсно связанной съ жизнью, не существуетъ никакихъ рамокъ, никакихъ канонѣвъ или ограниченій. Здѣсь получаютъ свое полное развитіе декоративныя искусства всѣхъ родовъ и, какъ наиболѣе жизненная вѣтвь этого направленія, становится замѣтной видовая живопись, цѣль которой воспѣваніе городскихъ перспективъ. Но, будучи отпрыскомъ театральной живописи, она сохраняетъ всѣ ея элементы: яркіе и выразительные эффеkты освѣщенія, сложность сплетенія линий, намѣренная живописность въ расположеніи архитектурныхъ массъ; если прибавить къ этому быстроту и легкость исполненія, то это и составитъ особенность, которая болѣе всего поражаетъ зрителя въ венеціанскихъ видописцахъ.

Инициаторомъ этого типично венеціанскаго направленія XVIII вѣка является превосходный хотя еще совсѣмъ мало обследованный, живописецъ Лука Карлеварисъ. Развитія же и необыкновеннаго блеска оно достигаетъ въ лицѣ Антонио Канале, болѣе извѣстнаго подъ именемъ Каналетто. Слава и обаяніе этого художника были настолько велики, что не только за нимъ признается исключительная инициатива его рода искусства, но онъ заслуживаетъ своей личностью не менѣе своеобразныхъ и сильныхъ чѣмъ онъ самъ мастеровъ послѣдующаго поколѣнія. Два такихъ художника, вышедшихъ изъ мастерской А. Канале и отличающихся меньшей фугой — Франческо Гварди и Бернардо Беллотто, по какому то

странному недоразумѣнію продолжаютъ считаться сателитами учителя, живущими исключительно на его счетъ и отражающими свѣтъ его одного. Впрочемъ, Гварди сравнительно въ недавнее время уже освобожденъ отъ этой зависимости и ему отведено одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ исторіи живописи XVIII вѣка. Устарѣлое мнѣніе о его подражательности можетъ служить лишь доказательствомъ того, до какой степени иногда оцѣнка критики бываетъ несостоятельна и судъ историковъ ошибоченъ.

Что касается Беллотто, то онъ и до сихъ поръ находится въ полномъ пренебреженіи и третируется, какъ одинъ изъ многихъ подражателей и копистовъ Антонио Канале. Способствовало ли этому обстоятельству то, что нашъ художникъ сейчасъ же по выѣздѣ изъ Венеціи принялъ на себя прозвище своего дяди и учителя, или же, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ онъ въ юности своей находился подъ большимъ его вліяніемъ, но за Беллотто прочно утвердилась репутация Каналетто второго и даже третьяго сорта. Рѣдко какой музей въ Европѣ не обладаетъ довольно слабыми, а порой прямо таки плохими видами Венеціи, которымъ присвоивается авторство не Маріески, не Цаиса, не Визентини — мастеровъ симпатичныхъ, но довольно блѣдныхъ и подражательныхъ, — а непременно Бернардо Беллотто.

Шрудно понять, на чемъ зиждется и откуда ведетъ свое начало столь пренебрежительное отношеніе къ творческой личности Беллотто, но одно несомнѣнно, что онъ, въ силу своихъ высокихъ артистическихъ качествъ, имѣетъ право на болѣе значительное и болѣе обособленное мѣсто среди пейзажистовъ XVIII вѣка.

Причину того, что Беллотто остается въ тѣни, одинъ изъ лучшихъ біографовъ обоихъ Каналетто Octave Uzanne объясняетъ такимъ образомъ: «La célébrité posthume d'Antonio Canal nuisit à son neveu Bellotto. Il advint que la gloire de l'aîné grandit d'année en année, alors que la réputation de son disciple, encore que fort estimable, recula au second plan. Cette particularité justifie assez logiquement le fait que, depuis la mort du dernier des Canaletto, beaucoup de toiles de Bernardo Bellotto aient été attribuées à son oncle». И въ то же время, какъ бы боясь взять на себя инициативу признанія истинныхъ размѣровъ рѣдкаго дарованія Беллотто, Uzanne сводитъ все къ ловкости хорошаго ремесленника, который вполне владелъ своимъ матеріаломъ, увѣренъ въ гибкости своей руки и знаетъ, какъ обращаться съ инструментами.

Шогда какъ въ дѣйствительности въ произведеніяхъ Беллотто поражаетъ съ перваго взгляда не только его большое мастерство, но и особенный уголъ зрѣнія, въ которомъ отражается своеобразное и въ высшей степени индивидуальное отношеніе къ предметамъ внѣшняго міра. Подражательность, какъ переходная стадія, вполне возможна и допустима въ самомъ одаренномъ художникѣ. И несомнѣнно, что Беллотто прошелъ черезъ этотъ путь. Но въ силу контраста между темпераментами учителя и ученика, выборъ собственнаго направленія долженъ былъ произойти въ очень раннюю пору. Въ Беллотто нѣтъ и признака той волшебной бѣглости, чисто театральной, декоративной условности, гдѣ почти повсюду подчеркивается большое теоретическое знаніе линейной

перспективы, также точно какъ и нѣтъ той безопасности, веселья, радости существованія, теплоты южнаго солнца, что такъ сильно поражаетъ зрителя въ произведеніяхъ Антоніо Канале. Равнымъ образомъ ему чужда и «*una fugia da diavolo*», обуревающая Гварди, который въ своемъ стремительномъ бѣгѣ не признаетъ ни малѣйшей преграды и съ легкостью, какъ бы шутя, разрѣшаетъ самыя сложныя и трудныя живописныя задачи. Для Беллотто вся красота существованія заключается въ серьезномъ и спокойномъ созерцаніи природы во всей простотѣ и прелести ея будничныхъ отгѣнковъ.

Полная атрофія понятій общественнаго долга, господство мелочности и узкаго эгоизма создаютъ обстановку, въ которой личность и трудъ художника теряютъ въ значительной мѣрѣ свою цѣнность и свое обаяніе. Приходится искать матеріальной поддержки на сторонѣ и, благодаря этому, даже первоклассныя силы вынуждены покидать родныя мѣста. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что не жажда авантюръ и не страсть къ перемѣнѣ впечатлѣній заставили Беллотто оставить Венецію — это произошло исключительно отъ матеріальныхъ причинъ. Но невольное переселеніе не послужило во вредъ художнику. Въ немъ такъ глубоко заложена любовь къ природѣ, онъ съ такой непосредственной свѣжестью отдаетъ всего себя окружающимъ явленіямъ, что всюду, куда бы ни забросила его судьба, художникъ найдетъ свои, ему одному принадлежащіе, мотивы. При томъ же будучи совершенно чуждымъ маньеризма, онъ умѣетъ находить, не повторяя себя самого, все новыя и новыя красоты.

Уже довольно раннія произведенія Беллотто, его очаровательнѣйшіе виды Варезе, находящіеся въ Брерѣ, говорятъ о томъ, какой это восхитительный и своеобразный живописецъ и необыкновенно внимательный и тонкій поэтъ. Въ нихъ явственно сквозитъ отгѣнокъ меланхолическаго и вмѣстѣ съ тѣмъ сладостнаго чувства природы сѣвера, гдѣ даже въ ясности весеннихъ дней чувствуется кратковременность счастья и тепла, а въ свѣжести вечернющаго дня звучитъ едва уловимое ощущеніе зимнихъ холодовъ, какъ разъ то самое чувство, которое съ такой потрясающей силой Беллотто удалось выразить подъ конецъ жизни въ видахъ Варшавы.

Въ Дрезденскихъ видахъ еще болѣе обнаруживается особенность вкуса мастера и его умѣнье обращаться со сложными задачами. Уже на этихъ произведеніяхъ становится замѣтнымъ, какое огромное значеніе придаетъ Беллотто стафажу. Изображая улицы и площади города, онъ ихъ населяетъ толпами людей самыхъ разнородныхъ положеній и состояній во всей пестротѣ и живописности ихъ скоропреходящихъ нарядовъ. А тамъ, гдѣ суровость мѣстности слишкомъ рѣзко выступитъ, какъ въ нѣкоторыхъ картинахъ, изображающихъ окрестности Дрездена, грозный видъ башенъ и скалъ смягчается пасторальями, родственными прелестнымъ пастушескимъ сценамъ Марко Риччи и Цуккарелли.

Не менѣе драгоценны по своему художественному смыслу виды Вѣны и ея пригородныхъ дворцовъ. Въ нихъ отражается больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, поэтическое чувство XVIII вѣка. Гюберъ Робертъ не могъ бы выполнить лучше эту задачу. И у Беллотто она прочувствована, пожалуй, даже глубже. Его обширныя панорамныя виды съ боскетами, стриженными алеями, грандіозными лѣстницами, бассейнами про-

Беллотто: Полковникъ Кенигсфельдъ, обучающій князя J. Понатовскаго верховой ѣздѣ.
(Собр. А. А. Козень).
Bellotto: Leçon d'équitation donnée au prince J. Poniatowski par le colonel de Königsfeld.
(Coll. de M-me A. A. Kosen).

Беллотто: Выгнание торговцев из храма.
(Собр. А. А. Косеня).

Bellotto: Les marchands chassés du temple par le Christ.
(Coll. de M-me A. A. Kosen).

Беллотто: Декоративное панно.
(Собр. А. А. Коленъ).

Bellotto: Panneau décoratif.
(Coll. de M-me A. A. Kosen).

Беллотто: Конюхъ, ведущій лошадь
въ манежъ.
(Собств. А. А. Козень).

Bellotto: Palefrenier conduisant un cheval
de l'écurie royale.
(Coll. de M-me A. A. Kosen).

никнуты необыкновенно острымъ и смѣшаннымъ чувствомъ радости и печали, близкимъ къ тѣмъ самымъ оттѣнкамъ, которые пугаютъ и въ то же время привлекаютъ только у двухъ мастеровъ XVIII вѣка — у Ватто и Шеполо.

Но самымъ совершеннымъ и самымъ цѣннымъ созданиемъ въ всемъ творествѣ Беллотто является, внѣ всякаго сомнѣнія, циклъ Варшавскихъ видовъ, составляющій одно изъ лучшихъ украшеній Гатчинскаго дворца. Здѣсь его кисть достигаетъ наибольшаго совершенства, а его мысль наибольшей зрѣлости и гибкости и достойно вѣнчаетъ его богатую артистическую жизнь. Среди Варшавскихъ мотивовъ много чарующаго, много захватывающаго и много говорящаго о живыхъ моментахъ, протекавшихъ въ дѣйствительности, а, кромѣ того, есть такія сочетанія линій и такія вдохновенныя комбинаціи свѣтотѣни, на которыя нельзя смотрѣть безъ сердечнаго волненія.

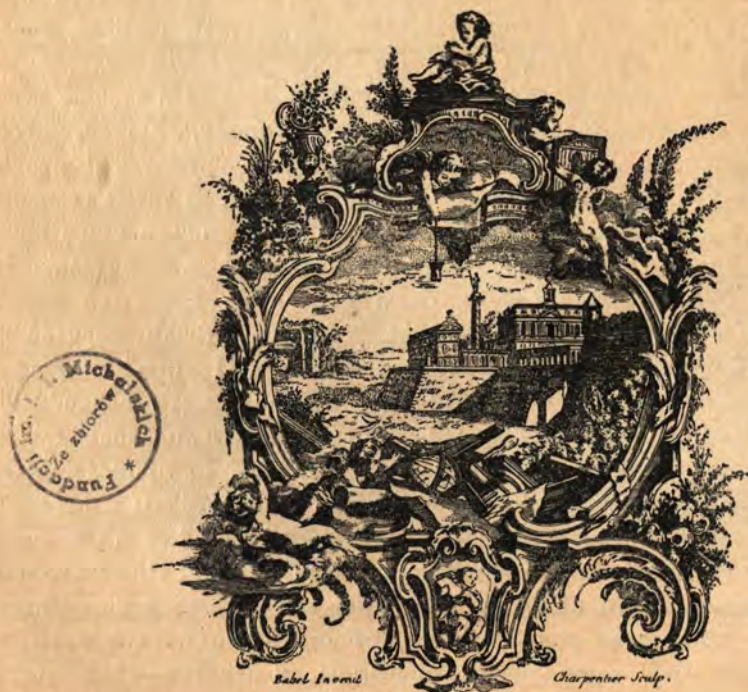
Въ Варшавѣ XVIII в. и ея окрестностяхъ въ представленіи Беллотто поражаютъ больше всего не достопримѣчательности, не исключительная красота зданій и ихъ художественная цѣнность, а нагроможденіе самыхъ разнородныхъ предметовъ, въ которыхъ художника больше всего плѣняютъ контрасты — дворцы, храмы, хижины, обывательскіе дома, сторожевыя будки, навѣсы, торговые ряды — все смѣшано и представляетъ одно прекрасное цѣлое. Широкія, плохо мощенныя улицы оживлены пестро и разнообразно. По улицамъ движутся роскошныя кареты, запряженные шестериками, медленно двигаются провинціальныя рыдваны, виднѣются простыя повозки, запряженные волами, возы съ сѣномъ, говорящіе о лугахъ и сочныхъ пастбищахъ. Монахи, знатные господа, ярко наруганные дамы, охотники, слуги, мѣщане, деревенскій людъ, торговцы зеленью, овощами, живностью, посудой, эстампами и вообще всякой всячиной, толпится дѣтвора, дюжіе солдаты, нищіе, пастухи, — все это расположено такъ богато и разнообразно, что, погружаясь въ этотъ міръ, забываешь совершенно объ условности стафажа, до такой степени все движется и дышетъ своей собственной жизнью. Но что всего прекраснѣе — такъ это то, какъ распредѣляются свѣта и тѣни. Причудливо и разнообразно брызги свѣта сверкаютъ и горятъ на красныхъ черепичныхъ крышахъ домовъ, на капителяхъ и пилястрахъ церквей и дворцовъ и на движущихся внизу группахъ людей. И вдругъ широкая падающая тѣнь поглощаетъ всѣ контрасты, все принимаетъ спокойный и мягкій характеръ. Разнообразную пестроту первыхъ плановъ смягчаютъ залитыя свѣтомъ дали. Господство надъ всѣмъ принадлежитъ небесамъ. У Беллотто формы облаковъ всегда разнообразны и окраска неба почти никогда не повторяется. Интенсивный синій тонъ принимаетъ то нѣжно бирюзовые, то дымчато зеленые оттѣнки. Шакже точно и свѣтъ солнца, близкаго къ закату, постоянно варьируется и колеблется между мягко-оранжевыми и лиловатыми оттѣнками, подлинную красоту которыхъ чувствуютъ одни лишь венеціанцы, и пепельно-охристымъ, почти сѣрымъ, который въ наиболѣе сильныхъ и звучныхъ своихъ оттѣнкахъ достигаетъ ярко розовыхъ и желто-лимонныхъ оттѣнковъ.

Наибольшаго совершенства Беллотто достигаетъ въ двухъ картинахъ Гатчинской серіи. Одна изъ нихъ изображаетъ «Видъ Варшавы

со стороны Праги» и другая—«Видъ Варшавы со стороны Ордынатскаго дворда». Здѣсь стихійность размаха достигаетъ высшаго своего предѣла.

Совершенно въ сторонѣ стоятъ композиціи Беллотто Варшавскаго періода, центрѣ тяжести которыхъ заключается въ разрѣшеніи чисто теоретическихъ перспективныхъ задачъ. Въ нихъ онѣ проявляетъ искусство распредѣлять линіи внутренняго вида зданій. Но при этомъ фигуры достигаютъ настолько крупныхъ размѣровъ, что вниманіе зрителя сосредоточивается больше на нихъ, нежели на архитектурныхъ подробностяхъ. Среди Гатчинскихъ картинъ только одна проникнута той же идеей—это чудесный видъ на окрестности Мокотова, но тамъ фигуры связаны не съ архитектурой, а съ пейзажемъ. Превосходнаго качества двѣ такого рода композиціи, изъ которыхъ одна изображаетъ изгнаніе изъ Иерусалимскаго храма торговцевъ, составляютъ собственность Статсъ-Дамы А. А. Козенъ. Этому же собранію принадлежатъ двѣ интересныя картины на манежныя темы; въ нихъ, повидимому, художника больше занимаетъ портретность лицъ и движеніе лошади, нежели общая декорация, которая на этотъ разъ теряетъ свое господствующее значеніе. По основной своей идеѣ эти двѣ картины относятся къ той же категоріи, что и два первыхъ панно.

С. Яремичъ.

Отдельный оттиск из журнала «Старые Годы», октябрь-декабрь 1914 г.
Отпечатано в типографии - Сиріусъ - Петроградъ. Рыночная ул., 10.

F

21.000